

О ФОРМАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ (САМО) РЕФЛЕКСИИ

А.В. Бородина

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье обсуждаются различные формы и разновидности переводческой (само) рефлексии, включая мемуары, «лингвистическую публицистику» и научные статьи, написанные практикующими переводчиками. Обосновывается важность изучения переводческой рефлексии и саморефлексии для современного переводоведения и дидактики перевода в русле сдвига парадигмы от системоцентрической к антропоцентрической – от теории перевода к изучению деятельности переводчиков.

***Ключевые слова:** рефлексия, саморефлексия, понимание, личный опыт, филологическая герменевтика, профессиональный дискурс переводчиков, переводоведение.*

Сегодня аргумент о рефлексивности и герменевтичности перевода как феномена вряд ли вызовет какие-либо сомнения или возражения со стороны лингвистического сообщества. Эта тема неоднократно прорабатывалась многими зарубежными и отечественными учеными в эпистемологическом поле философской и филологической герменевтики (см. об этом: [Автономова 2016; Крюкова 2017; Бородина 2015]). Н.С. Автономова полагает рефлексивность неизбежным и неотъемлемым свойством перевода в целом вне зависимости от его разновидностей: «рефлексия о переводе в широком смысле возникает в тот момент, когда свой собственный язык оказывается в позиции не единственно возможного: тогда мы начинаем осознавать его границы и одновременно – его возможности, иначе не заметные, в сравнении с другими языками, другими способами вербального выражения. Этот трудный опыт рефлексии, осложненный многоязычием, постоянно сопровождает нас в процессе переводческой работы» [Автономова 2016: 500]. Подобный вывод не случаен – более полувека назад его суть была сформулирована Л.В. Щербой: «сравнивая детально разные языки, мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, – иллюзию, будто существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка...» [Щерба 2008: 316]. Данную форму переводческой рефлексии можно условно назвать рефлексией языка, ибо источником её являются языки (ИЯ и ПЯ), их сопряжение и взаимодействие в процессе перевода (хотя В.В. Биbihин склонен думать, что источником переводческой рефлексии служит единый язык, ибо «перевод в наиболее общем смысле есть явление человеческого языка, а не человеческого разноязычия» [Биbihин 2010: 163]).

В то же время, при известном сходстве ряда понятий, подходов и концепций в философской и филологической герменевтике, представляется, что филологическая герменевтика в целом имеет более прикладное значение посредством операционализации категориального и методологического

инструментария философской герменевтики и применения его к разным видам деятельности, включая перевод [Бородина 2015: 22]. Переводческая рефлексия в филологической герменевтике предполагает «интерпретацию смысла текста на одном языке... и создание нового, эквивалентного текста на другом языке... с целью установления отношений смысловой эквивалентности между исходным и переводным текстом» [Крюкова 2017: 209]. Тем самым, источником рефлексии является «работа переводчика как с отдельными сегментами, так и с самим текстом как единым целым» [Крюкова 2017: 210], в связи с чем можно условно обозначить эту форму переводческой рефлексии как рефлексия текста.

Помимо вышеуказанных форм переводческой рефлексии существует также рефлексивная деятельность самих переводчиков по осмыслению своего переводческого опыта и соответствующих дискурсивных практик – то, что Н.Л. Галеева называет «саморефлексией» [Галеева 2011: 117], или «способность понимать своё понимание» в категориях Г.И. Богина [Богин URL]. Суть переводческой саморефлексии состоит в рефлексивном осмыслении личного опыта, как правило, в целях понимания и непрерывного совершенствования своей переводческой деятельности, а также обучения других переводчиков: как полагает Д. Робинсон, переводчику всегда следует помнить, что его «опыт или практика – ... это не просто бездумное восприятие массы информации. Это процесс вдумчивого её просеивания и постоянного поиска закономерностей, способных привести некую упорядоченность и, соответственно, предсказуемость и даже возможность контролировать водоворот накапливающегося опыта» [Робинсон 2014: 106]. Однако накопленный переводческий опыт может стать источником закономерностей лишь при одном условии – а именно: если «переводчик вдумчиво анализирует этот опыт,.. отмечает и обдумывает выбор слов и выражений, смену стиля, другую языковую и внеязыковую информацию – меткие или необычные слова и фразы, а также обычные, которых раньше не замечал, знакомые обороты, значение или употребление которых изменилось, и т.д.» [там же]. Поскольку источником этой рефлексии является собственный опыт переводчика, то в логике предложенной выше условной типологии можно определить данную форму переводческой рефлексии как рефлексия опыта (далее в целях настоящей статьи для обозначения этой конкретной формы переводческой рефлексии в основном будет использоваться предложенное Н.Л. Галеевой понятие «саморефлексии»).

В отличие от двух других форм переводческой рефлексии, саморефлексия как рефлексия личного опыта начала восприниматься в качестве предмета научного исследования и/ли теоретико-методологического анализа относительно недавно, но весьма успешно: так, она органично вписалась в одно из приоритетных направлений современного переводоведения – дискурсивный подход к изучению перевода [Бородина 2017: 43] и исследование профессионального дискурса переводчиков: по мнению В.А. Митягиной, «особое место в исследовании дискурса занимает анализ рефлексий переводчиков, полученных путем направленных, заданных опросов и

исследований» [Митягина 2017: 241] (в качестве примера приводятся исследования Э. Фельдвега, К. Цвишенбергер и др.) [Митягина 2017: 241–244].

В силу своей специфики переводоведение, как никакая другая гуманитарная наука, обязано своим появлением, существованием и развитием особой эмпирике – собственному опыту и практической деятельности переводчиков. Этой точки зрения придерживаются многие известные теоретики и практики перевода: так, М.Я. Цвиллинг считает, что «для переводоведения, возникшего непосредственно на основе практической потребности в обобщении опыта переводческой деятельности, связь с практикой являлась естественной, неотъемлемой чертой с самых первых шагов его развития» [Цвиллинг 1977: 173]. В том же духе рассуждает Я.И. Рецкер, признавая, что «значительная часть положений лингвистической теории (перевода – А.Б.) должна основываться на обобщении переводческой практики» [Рецкер 2016: 10]. Размышляя о собственном опыте в качестве переводчика, редактора, критика и автора переводных текстов, к аналогичным выводам приходит У. Эко: «опыт может вспомниться в связи с какими-либо теоретическими проблемами, которыми занимаются сегодня в исследованиях по переводоведению, но эти теоретические проблемы всегда возникают благодаря *опыту* (*курсив авт.* – А.Б.), по большей части личному» [Эко 2015: 16]. Н.С. Автономова подчёркивает, что «в любом случае над переводческой эмпирией надстраиваются те или иные типы теорий перевода» [Автономова 2016: 513]. В связи с этим можно предположить, что многие теории и/ли модели перевода, разработанные переводчиками с большим опытом практической деятельности, прямо либо косвенно содержат саморефлексию её авторов [Бородина 2015: 22; Бородина 2016: 10]. Так, например, про книгу Я.И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика» П. Палажченко пишет, что это «прежде всего серьёзный труд учёного, исследователя, переводчика и редактора. Но, перечитывая её, отмечаешь и ещё одну особенность. Кажется, что её страницы пронизаны обаянием личности этого человека. Могут возразить, что это своего рода “оптический обман” и так кажется только тем, кто его знал. И всё же я надеюсь, что это возражение верно лишь отчасти» [Палажченко 2016: 5]. Характерно, что эта книга Рецкера, как и философский труд Н.С. Автомоновой «Познание и перевод: опыты философии языка» [Автономова 2016] содержат многочисленные мемуарные вставки, в которых личный опыт авторов и их учеников (в случае Я.И. Рецкера) транслируется уже не имплицитно, а эксплицитно.

В то же время принципиальные различия собственного опыта переводчиков и его осмысления (например, синхронного перевода и перевода художественной литературы) могут обуславливать обстоятельство, отмеченное В.В. Бибихиным в его философских размышлениях о сущности перевода: «каждая теория перевода, каждая разновидность такой теории (а мы их имеем несколько) при всей широте и богатстве привлекаемых материалов так или иначе опирается на какую-нибудь одну из областей переводческой

деятельности, на какое-нибудь одно её направление, на практику литературных контактов внутри какой-либо одной (обычно индоевропейской) языковой семьи в одну (обычно современную) эпоху» [Бибихин 2010: 160], тогда как вне конкретной области перевода эти выводы могут быть неприменимы либо применяться с существенными оговорками. В связи с этим Бибихин ставит вопрос о разграничении «существенного и акцидентального в переводческом процессе» [там же]. В той же логике другой известный российский переводовед Л.К. Латышев справедливо отмечает, что «в своей наиболее существенной части процесс перевода происходит в мозгу переводчика и потому ненаблюдаем. Более того, многие умственные действия переводчика (перебор вариантов с постепенным приближением к оптимальному варианту перевода) происходят за порогом его сознания, поэтому даже самонаблюдения опытных переводчиков-практиков и теоретиков перевода, имеющих богатейший опыт практической работы, не могут дать реальной картины происходящего» [Латышев 1988: 92]. Тем самым, закономерно возникает вопрос об эпистемологической и научной ценности и валидности личного опыта и его рефлексии в целом как источника (по)знания: то, что может быть вербализовано, носит субъективный и аффективный характер, скорее акцидентально, чем существенно, зависит от разного рода контекстов и, как результат, может быть опровергнуто, тогда как лежащие в основе перевода когнитивные процессы по большей части ненаблюдаемы и, вследствие этого, непознаваемы. В качестве возможного решения данной проблемы для переводоведения Латышев видит логическое моделирование как «способ исследования процессов, недоступных для непосредственного наблюдения», поскольку «говорить о характере переводческих действий и операций приходится в основном лишь гипотетически, опираясь главным образом на результаты сопоставления исходного и переводного текстов, домысливая при этом, какими путями, с помощью каких приёмов переводчик приходит от исходного материала к конечному» [там же]. Данный ракурс постановки проблемы характерен для системоцентрической парадигмы, придающей большое значение количественным методам сбора и анализа данных и их верифицируемости как обязательного условия достоверности полученных результатов и включённости их в общий корпус знания. Однако во второй половине XX века, благодаря так называемому сдвигу парадигмы, когда на смену системоцентрической парадигме пришла антропоцентрическая, всё бóльшую силу и популярность у исследователей постепенно стали набирать качественные методы, среди которых – глубинные биографические интервью, изучение случая (*case-study*), включённое наблюдение, самонаблюдение (интроспекция), так называемая обоснованная теория (*grounded theory*) и устная история (*oral history*). Эти методы «изначально ставили во главу угла анализ личного / индивидуального опыта (при всей его субъективности и аффективности) с дальнейшей проекцией на общие тенденции и закономерности» [Бородина 2016: 12].

Для переводоведения переход к антропоцентрической парадигме обернулся тем, что на авансцену вышли прагматические аспекты перевода, профессиональная деятельность, опыт и дискурсивные практики самих переводчиков, для изучения которых, наряду с количественными, стали применяться качественные методы, ранее использовавшиеся в антропологии, социологии и этнографии [Робинсон 2014: 200]. В этой связи определяющими для развития переводческой саморефлексии видятся следующие факторы: во-первых, это историческое развитие самой рефлексии как методологии, направленной «на процессы обоснования гуманитарного знания». Рассуждая о связи рефлексии и перевода в историческом контексте, Н.С. Автономова отмечает особое значение методологической рефлексии в гуманитарных науках со второй половины XX в., обусловленное «их переходом... от эмпирической стадии к теоретической, с использованием методов формализации и математизации и, следовательно, с неизбежно возникающим при этом вопросом об отличиях (и сходствах) их норм и критериев от норм и критериев естественно-научного типа» [Автономова 2016: 495]. (Среди результатов этого процесса, в первую очередь, следует отметить возникновение Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкого и школы филологической герменевтики Г.И. Богина, заложившей основы деятельностной теории перевода «не в терминах субституций и трансформаций, а в парадигме теории системомыследеятельности, которая применима везде, где возникает ситуация непонимания, и помогает оптимизировать культурозначимое понимание текста» [Крюкова 2017: 217]).

Во-вторых, огромную роль сыграло бурное развитие устного перевода во второй половине XX века в России (СССР) и за рубежом, обусловленное резкими изменениями общественной и политической жизни и историческими катаклизмами на глобальном уровне, когда возникла потребность в масштабной международной коммуникации и трансляции важной информации для больших массивов людей (см. об этом: [Швейцер 2012; Чернов 2016: 3–8; Бородина 2015: 21]). Тем самым, от понимания переводчиками переводимых ими текстов стали зависеть жизнь и судьбы многих людей, а подчас и всего человечества [Швейцер 2012: 71–77]. Это способствовало непрерывному осмыслению «всех возможных и актуальных на момент перевода дискурсов и контекстов (межкультурных, гендерных, социально-экономических, психологических, экологических, исторических, юридических, политических и т.п.)» [Бородина 2015: 24], с которыми сталкивались переводчики во время своей профессиональной деятельности, учитывая непоправимые последствия непонимания исходного текста и целей коммуникации, что заставляло регулярно оценивать и осмысливать свой собственный опыт переводческих удач и ошибок, а также опыт своих коллег по цеху [Швейцер 2012: 117]. Со временем потребность переводчиков в рефлексивном осмыслении своего понимания исходного текста (как письменного, так и устного) вкупе со всеми сопутствующими экстралингвистическими факторами переводческой

деятельности не только не утратила значимости, но и распространилась на многие другие виды перевода, что в дальнейшем легло в основу теории скопоса и так называемой социологической волны в переводоведении [Робинсон 2014: 191–203]. Впоследствии Д. Робинсон назвал данный процесс «сдвигом теории перевода в сторону исследования перевода как действия» – от *translation studies* к *translator studies* [Робинсон 2014: 166], приведя такой аргумент: «переводчики – не просто специалисты по языку, участвующие в бизнесе, – они ещё и члены общества, и их социальные связи и привязанности вне рабочей сферы оказывают огромное влияние на то, с чем и как они работают, как обустраивают свою профессиональную деятельность, и, конечно, на то, как они используют и понимают язык» [Робинсон 2014: 203].

Наконец, теоретико-методологические рамки изучения и анализа перевода письменных (в первую очередь, художественных) текстов в отечественном переводоведении также претерпевают значительные изменения: лингвистическая теория перевода постепенно начинает уступать место лингвокультурологическому и герменевтическому подходам. Н.Ф. Крюкова отмечает, что «лингвокультурологический ракурс проблем перевода ставит перед исследователями многие вопросы, выходящие за рамки собственно лингвистической теории», ибо «лингвокультурология и герменевтика предполагают *понимание* в качестве базового понятия теории перевода, ориентированной на рассмотрение перевода в деятельностном аспекте» [Крюкова 2017: 211]. В этой логике представляется вполне закономерным, что именно лингвокультурологический подход с позиций филологической герменевтики позволил Н.Л. Галеевой обозначить вопрос о важности изучения рефлексии собственного опыта переводчиков для современного переводоведения: не отменяя значимости классиков лингвистической теории перевода в обсуждении языковых трудностей и способов их преодоления, «огромный интерес представляет саморефлексия практикующих переводчиков – недавние увлекательные книги и пособия П. Палажченко, А. Чужакина, Г. Мирама, которые продолжают традицию, начатую К. Чуковским, М. Морозовым, Н. Галь и другими замечательными переводчиками» [Галеева 2011: 117] (Н.Л. Галеева не упоминает Н. Любимова, хотя он, безусловно, входит в ту же плеяду). Данная традиция, главным образом, выстраивается как «текстуализация» переводчиками собственного опыта, воплощение его в виде текстов, что важно для исследователей: «традиция реально существует, пока живы её носители и возможна передача их культурного опыта следующему поколению. Но незафиксированный в текстах опыт в высшей степени хрупок: уходя из жизни, человек уносит его с собой» [Фрумкина 2002: 7].

Формат данной статьи не позволяет рассмотреть жанровое богатство переводческой саморефлексии во всём его многообразии, поэтому представляется уместным ограничиться несколькими примерами. В первую очередь, это мемуары, поскольку «мемуары переводчиков как непосредственное рефлексивное осмысление и вербальная фиксация собственного опыта в

контексте и динамике своей истории (профессиональной) жизни могут стать ценным источником информации и полезным ресурсом в обучении переводу и изучении теоретико-методологических проблем, связанных с переводческой деятельностью» [Бородина 2016: 10]. Книга А.Д. Швейцера «Глазами переводчика» (жанр которой – переводческая мемуаристика – определён его сыном В. Швейцером [Швейцер 2012: 5]) – один из наиболее ярких тому примеров. Изучение переводческой деятельности А.Д. Швейцера представляет особый интерес для исследователей ещё и тем, что его личный переводческий опыт осмыслен и текстуализирован как в научных монографиях и статьях, так и в мемуарах, что сам Швейцер объясняет следующим образом: *«мне всегда хотелось разгадать тайну перевода, понять, как протекает этот сложнейший, связанный с преодолением языковых и культурных барьеров вид общения. Этому посвящены две мои книги – “Перевод и лингвистика” и “Теория перевода: статус, проблемы, аспекты”. Но в моих теоретических работах оставалась за кадром важная сторона деятельности переводчика – его собственная позиция, его отношение к тому, что происходит вокруг него. Ведь переводческое ремесло – это не только поиск нужного слова, не только решение сложных языковых и культурологических проблем. Это ещё и люди, страны, события и встречи, память о которых навсегда остаётся с тобой»* [Швейцер 2012: 13]. По мнению А.Д. Швейцера, дополнительную ценность переводческой мемуаристике придаёт тот факт, что *«позиция переводчика как наблюдателя уникальна. Его роль как посредника между двумя языками и двумя культурами даёт возможность подмечать многое из того, что ускользает из поля зрения других участников международных встреч. Переводчик-синхронист, постоянно “перевоплощаясь” в разных участников встречи, лучше, чем кто-либо другой, слышит голос и той, и другой стороны»* [Швейцер 2012: 14]. Именно с этих позиций А.Д. Швейцер осмысливает свой опыт, что даёт основания рассматривать его мемуары как пример того, что в современном переводоведении после сдвига парадигмы принято называть исследованиями деятельности переводчиков (*translator studies*).

В качестве ещё одного примера *translator studies* можно привести проект О. Дормана, который сам Дорман определяет как *«“устную книгу”, расшифровку рассказа переводчика Л. Лунгиной на телекамеру для многосерийного документального фильма “Подстрочник”»* [Дорман 2010: 5], впоследствии изданную в печатном формате. Этот проект интересен тем, что в нём, как и во всех глубинных биографических интервью, личный опыт респондента (в данном случае переводчика Л. Лунгиной) рефлексруется и вербализуется вслух непосредственно перед записывающим устройством, причём временной промежуток между осмыслением своего опыта и его вербализацией минимален: *«эти мысли вслух рождаются сейчас, в момент произнесения, и задают темп речи, который, завораживая, держит, не отпуская»* [там же]. Л. Лунгина осмысливает свой личный опыт в контексте жизни всей страны (тем самым увеличивая научную значимость данного текста для

последующего изучения [Бородина 2016: 14]): *«мой опыт, то, что я переживала, те ситуации, в которые я попадала, тот выбор, который я делала, те отношения, в которые я вступала с людьми, – во всём этом всё более и более осязательно присутствовал мир, который бушевал вокруг меня. Поэтому я подумала, что, рассказывая свою жизнь, рассказываю не о себе, не столько о себе... Ведь тогда получается опыт той, большой жизни, пропущенной через себя, то есть что-то объективное. И как объективное – может быть, что-то ценное»* [Дорман 2010: 16–17]. Кроме того, она рассказывает об использовании саморефлексии в дидактических целях при проведении семинаров «для молодых переводчиков с французского – выпускников университета и иняза» на языковом материале рассказов французского писателя Бориса Виана [Дорман 2010: 373]. Его роман «Пена дней» Лунгина перевела сама и использовала свой опыт перевода текстов Виана в обучении переводчиков: *«более трудного прозаика для перевода, по-моему, не существует – это как стихи переводить. Потому что Виан весь в игре слов, в ассоциациях, в идиомах, которым не найти эквивалента в русском языке, поскольку идиоматические выражения в каждом языке свои и вся игра строится на французской фразеологии. Значит, какая стоит в таких случаях задача? Если говорить вкратце, надо обязательно найти собственную, совсем другую идиому или игру слов, часто в десяти верстах от французской, но которая вызывает то же чувство, ту же ассоциацию. Это крайне трудная задача, это действительно как строчка стихотворения, образ стихотворения, ничуть не легче. Я очень долго переводила “Пену дней”. Шесть с половиной листов, наверно, переводила почти два года по полстранички, по страничке в день, и то не каждый день»* [Дорман 2010: 374]. Использование личного опыта как дидактического ресурса привело к тому, что *«мы... этих ребят в какой-то мере и воспитали немножко, и пустили их в жизнь с какими-то нашими идеями»* [Дорман 2010: 375].

Ещё одной разновидностью переводческой саморефлексии являются статьи, жанр которых юридический переводчик Т.П. Некрасова условно называет «юридической публицистикой»: *«я занимаюсь юридическим переводом уже более 15 лет и долгое время считала себя человеком не пишущим, а переводящим, даже не предполагая, что накопленный опыт может обернуться таким увлекательным занятием, как лингвистическая публицистика»* [Некрасова 2012: 5]. Давая характеристику сборнику своих статей о юридическом переводе, Некрасова прибегает к саморефлексии: *«в какой-то момент я почувствовала, что накопленный опыт буквально “просится” на бумагу. Этот сборник – попытка свести воедино, объединить “под одной крышей” мои размышления на тему юридического перевода, которые на протяжении ряда лет появлялись на страницах журнала “Мосты”. А ещё это попытка обозначить проблемы, которые возникают именно в этом виде перевода, осмыслить их причины, предложить возможные способы их решения»* [Некрасова 2012: 6]. Рефлексия личного опыта позволяет

Т.П. Некрасовой сделать вывод, что *«юридический перевод требует от переводчика не только глубоких языковых знаний, основательной лингвострановедческой подготовки и правовой осведомлённости, но и пытливости ума, желания вчитываться в переводимый текст, способности смотреть вглубь, потому что иначе разобраться в хитросплетениях юридической мысли просто невозможно»* [Некрасова 2012: 7] Этот вывод имеет большое значение для юридического переводоведения и дидактики юридического перевода, подтверждая, что юридический перевод более рефлексивен, чем принято считать, а юридические переводчики, как и переводчики художественных текстов, должны развивать своё рефлексивное мышление и владеть техниками и стратегиями филологической герменевтики.

Упомянутый выше журнал «Мосты» в каком-то смысле является преемником сборников «Мастерство перевода» и «Тетрадей переводчика» – своего рода научно-профессионального форума для переводчиков в советское время. В одной из «Тетрадей...» была напечатана статья немецкого переводчика-синхрониста Б. Штайера как полемический отклик на ранее опубликованную статью российских авторов о синхронном переводе. Примечательно, что вся статья построена на эксплицитно выраженной саморефлексии её автора. Не согласившись с тем, что «механизм синхронного перевода можно объяснить смысловой гипотезой с проверкой её правильности на основе опорных пунктов» [Штайер 1975: 101], Штайер признаётся, что *«над вопросом объяснения механизма синхронного перевода никто из нас (автор статьи и его коллеги, немецкие переводчики-синхронисты – А.Б.) раньше глубоко не задумывался»*, однако возникшее герменевтическое напряжение в результате интерпретации статьи о синхронном переводе и несогласия с авторской точкой зрения побудило их осмыслить собственный переводческий опыт. Результаты саморефлексии легли в основу текста статьи, цель которой Штайер формулирует так: *«являясь двуязычником (русский и немецкий “с пелёнок”)*, я сам в течение двадцати лет занимаюсь устным и письменным переводом. Мне хотелось бы рассказать о своём субъективном восприятии механизма синхронного перевода, в соответствии с которым переводчик-синхронист мобилизует, в первую очередь, интуитивную сферу мышления, не претендуя на верность моего толкования по отношению к переводчикам с иной специальной и языковой подготовкой» [Штайер 1975: 102]. Рефлексируя личный опыт, Штайер старается описать свои ощущения в процессе перевода: *«психологически я чувствую свою роль и свои действия так, что я не перевожу, а говорю на языке, причём информация о том, что я хочу сказать, попадает мне в мозг откуда-то извне. После работы я не помню оборотов речи оратора, не помню даже, кто что говорил. Вспоминаются только собственные формулировки и глаза слушателей»* [Штайер 1975: 109]. Поскольку синхронный перевод – в высшей степени энергозатратный вид переводческой деятельности, *«придя после длительного синхрона домой, часа три тараторишь без умолку, никому не даёшь слова вставить, никого не слушаешь. Мой друг-переводчик*

утверждает, что это компенсация за подавление собственных мыслей... Я знаю одну переводчицу, которая переводит только последовательно и по окончании работы засыпает как убитая. Возможно, мой друг прав. В последовательном переводе формулируешь сам, в синхронном – пользуешься его формулировками» [Штайер 1975: 111]. Таким образом, саморефлексия помогает переводчику показать разные, порой неожиданные грани синхронного перевода, о чём не всегда упоминают теории и учебники.

Приведённые примеры далеко не исчерпывают всех форм и разновидностей переводческой (само) рефлексии, однако позволяют сделать вывод о её значимости для методологии переводоведения, теории и истории перевода, переводческой критики и дидактики перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.

Биbihин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 416 с.

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс]. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf (Дата обращения: 10.12.2017).

Бородинa А.В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 2. Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2017. С. 37–47.

Бородинa А.В. Проблемы понимания и рефлексии в устном переводе: из опыта работы переводчиком на предприятиях Тверской области // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании – 2015: Материалы международной научной герменевтической интернет-конференции, Тверь, 20.10–23.12.2015. С. 21–30. [Электронный ресурс]. <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Borodina-2015.pdf>

Бородинa А.В. Собственный опыт как текст: некоторые методологические аспекты анализа переводческой мемуаристики // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. Вып. 16. С. 10–17.

Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 172 с.

Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 383 с.

Крюкова Н.Ф. Осмысление как сущностная характеристика интерпретативной деятельности переводчика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 209–213.

Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: кн. Для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. 160 с.

Митягина В.А. Рефлексии переводчиков как основа оптимизации профессиональных компетенций // Переводчик XXI века – агент дискурса: колл. монография / научн. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 280 с.

Некрасова Т.П. Юридический перевод. Сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный. М.: Р. Валент, 2012. 304 с.

Палажченко П. Вступительное слово // Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и комм. Д.И. Ермоловича. М.: Аудитория, 2016. С. 5–7.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и комм. Д.И. Ермоловича. М.: Аудитория, 2016. 244 с.

Робинсон Д. Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2014. 276 с.

Фрумкина Р.М. Внутри истории: эссе, статьи, мемуарные очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 480 с.

Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков // Чтение. Перевод. Устная речь. Методика и лингвистика. Л.: Издательство «Наука», 1977. С. 172–180.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: ЛЕНАНД, 2016. 208 с.

Швейцер А.Д. Глазами переводчика. Из воспоминаний. М.: Р. Валент, 2012. 132 с.

Штайер Б. О механизме синхронного перевода // Тетради переводчика. Вып. XII. М.: «Международ. отношения», 1975. С. 101–111.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 432 с.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с ит. А. Коваля. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.

FORMS OF TRANSLATOR (SELF) REFLECTION

A.V. Borodina

Tver State University, Tver

The article explores different forms and types of translator (self) reflection activities including memoirs, «linguistic journalism» and academic papers written by translators and interpreters. The author highlights the research impact of self-reflection on contemporary translation studies and

didactics of translation in the context of the paradigm shift from structuralism to anthropocentrism, i.e., the shift from translation to translator studies.

Key words: *reflection, self-reflection, comprehension, personal experience, philological hermeneutics, professional discourse of translators, translation studies.*

Об авторе: БОРОДИНА Анна Владимировна – практикующий переводчик, магистрант второго года обучения факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента Тверского государственного университета, e-mail: juristka80@mail.ru